УДК 791.4
ББК 71

Сараскина Людмила Ивановна
Доктор филологических наук, главный научный сотрудник, сектор художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания, 125009, Россия, Москва, Козицкий пер., 5
ORCID ID: 0000–0003–4844–4930
ResearcherID: AAS-8550–2021
Scopus ID: 56936849700
l.saraskina@gmail.com
Ключевые слова: Михаил Зощенко, комедия, смех, страх, преступление, наказание, «несун», народное добро, Павел Коломойцев, Леонид Гайдай

Сараскина Людмила Ивановна

Комедия Михаила Зощенко «Преступление и наказание» на советском экране: вымысел и реальность

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2022-3-246-275

Для цит.: *Сараскина Л.И.* Комедия Михаила Зощенко «Преступление и наказание» на советском экране: вымысел и реальность // Художественная культура. 2022. № 3. С. 246–275. https://doi.org/10.51678/2226-0072-2022-3-246-275.

For cit.: Saraskina L.I. Crime and Punishment, a Comedy by Mikhail Zoshchenko, and Its Two Soviet Screen Versions: Fiction and Reality. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2022, no. 3, pp. 246–275. https://doi.org/10.51678/2226-0072-2022-3-246-275. (In Russian)

Saraskina Liudmila I.
D.Sc. (in Philology), Chief Researcher, Mass Media Arts Department, State Institute for Art Studies, 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia
ORCID ID: 0000–0003–4844–4930
ResearcherID: AAS-8550–2021
Scopus ID: 56936849700
l.saraskina@gmail.com
Keywords: Mikhail Zoshchenko, comedy, laughter, fear, crime, punishment. "nesoon", people's property, Pavel Kolomoytsev, Leonid Gaidai

Saraskina Liudmila I.

Crime and Punishment, a Comedy by Mikhail Zoshchenko, and Its Two Soviet Screen Versions: Fiction and Reality

Аннотация. В статье анализируется актуальное содержание одноактной пьесы М.М. Зощенко «Преступление и наказание» (1933) и та историческая реальность, которая кроется за громким «достоевским» названием. Обращение к данной проблематике и новизна авторской концепции обусловлены в том числе и отсутствием исследований по заявленной теме. Привлекаются архивные документы и законодательные акты, раскрывающие истинные причины драматических переживаний главного персонажа («несуна», расхитителя народного добра), опасающегося подвергнуться высшей мере наказания с конфискацией имущества. Категории «преступления» и «наказания» под пером драматурга обретают новые смыслы, так что название комедии перестает быть «чужим». Две одноименные экранизации комедии по-разному воплощают замысел литературного первоисточника. В результате последовательного анализа кинокартин, в том числе соотнесенности социального контекста и художественного текста, автор приходит к следующим выводам об их комедийных лейтмотивах. Короткометражная лента режиссера Павла Коломойцева (1940) была напрямую связана с политическими реалиями времени (постановлением ЦК ВКП(б) 1932 года об охране имущества государственных предприятий, о преступлениях расхитителей и наказаниях для них). Комедийную специфику картины можно определить как *смех сквозь страх*. Выясняется причина цензурного запрета картины («вор остается пострадавшим»), пролежавшей на полке полвека. Экранизация Леонида Гайдая (в составе картины из трех новелл Зощенко «Не может быть!»), созданная в 1975 году, не была связана с постановлением (позже пересмотренным и отмененным); действие комедии отнесено в 1927 год, то есть еще до постановления, так что «несуны» могли не опасаться за свою жизнь. Персонажи комедии притворно страшатся наказания, страдают «понарошку». Комедийный нерв картины характеризуется как *смех сквозь хохот*.

Abstract. The paper analyses the topical content of M.M. Zoshchenko's one act play *Crime and Punishment* (1933), as well as the historical reality which is implied by the explicitly "Dostoevsky's" title of the play. The appeal to this problem and the novelty of the author's concept are due to, among other things, the lack of research on the declared topic. The author refers to the archival documents and legal acts that explain the real reasons for the emotional sufferings of the central character of the play, who in the slang of the time was called "nesoon" ("the one who carries away"), that is a "plunderer of people's property". He was afraid to be condemned to capital punishment and confiscation of his property. The notions of "crime" and "punishment" in Zoshchenko's play acquire new and, indeed, topical meanings, so that the title of the play ceases to be just an allusion to Dostoevsky.
Two screen versions of the play under the same title present different interpretations of the literary original. Having performed a consistent analysis of the films, including the correlation of the social context and the artistic text, the author comes to the following conclusions about their comedic leitmotivs. The short screen version produced in 1940 by the film director Pavel Kolomoytsev, was obviously associated with the political reality of the time: in 1932, the Central Committee of the Communist Party had issued a Decree concerning the protection of state enterprise property, the crimes of its plunderers and the ensuing punishments. The specific comical effect of this screen version may be defined as *laughter through (in spite of) fear*. It is clear why the film was banned by the censorship and was not shown for half a century: "the thief is depicted as the one who suffers".
The screen version by Leonid Gaidai produced in 1975 (as part of the film in three stories by Zoshchenko, under the title *Ne Mozhet Byt!* (*It Can't Be!*)) had nothing to do with the above mentioned Decree (which had been annulled by that time). The events in this version are placed in the year 1927, before the Decree, so the plunderers did not need to be afraid of capital punishment. The characters in this screen version of the comedy just feign fear of punishment, just make a pretence of suffering. The comic effect of Gaidai's version may be defined as *laughter through (in spite of) roaring.*

Введение. Обретение жанра

Культурный советский читатель 1930-х годов, знакомясь с пьесой известного прозаика и драматурга М.М. Зощенко «Преступление и наказание» (1933), уже с первой страницы имел право на вопрос: какое отношение имеет эта комедия, как будто даже водевиль, к одноименному роману-трагедии Ф.М. Достоевского о недоучившемся университетском студенте, по идейным соображениям убившем и ограбившем пожилую ростовщицу, а заодно впопыхах зарубившем топором и ее убогую сестру?

Конечно, Михаил Зощенко, уроженец Санкт-Петербурга из дворян, спустя полвека после Родиона Раскольникова поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета и так же, как он, после первого курса был отчислен за неуплату.

Однако не в пример герою Достоевского бывший студент Зощенко не пошел путем индивидуального террора. Время призвало его в действующую армию, где на фронтах Первой мировой войны он дослужился до звания штабс-капитана. После Октябрьской революции в поисках своего места в жизни он менял города и профессии, служил в милиции, в суде, в уголовном розыске, не брезговал сапожным ремеслом, отдал дань службе петербургской почты и телеграфа. «Это было не твердое шествие по жизни, это было — замешательство», — скажет он в автобиографической повести «Перед заходом солнца» [7].

Самым увлекательным занятием для него стала и осталась на всю жизнь литература. Подчеркну: на шаткий и опасный путь советского литератора вступал храбрый офицер Русской императорской армии, отличившийся во многих сражениях, награжденный пятью боевыми орденами (Святого Станислава двух степеней, Святой Анны двух степеней, Святого Владимира), получивший серьезные ранения и порок сердца в результате отравления газом на фронте.

У него были хорошие шансы стать военным писателем: Первая мировая глубоко вошла в его сердце и его память. Ту самую повесть «Перед восходом солнца» он насыщал фрагментами воспоминаний о фронтовой работе, о военных буднях. «Ураганный артиллерийский огонь обрушивается на деревню. Воздух наполнен стоном, воем, визгом и скрежетом. Мне кажется, что я попал в ад» [7]. Спустя двадцать пять лет, уже в Великую Отечественную, когда через дом от него разорвется немецкая бомба весом в полтонны, он поймет, как выглядит настоящий ад.

Ил. 1. Михаил Зощенко. Фотография сделана в годы Первой мировой войны

Однако военные впечатления в тех литературных жанрах, которые стал пробовать и осваивать Зощенко, ему не пригождались. В «Красной газете», куда он послал маленький рассказ о деревне, ему сказали: *здесь нужен ржаной хлеб, а не сыр бри*. Много раз он давал себе слово, что оставит коварное занятие, что тяга к литературе до добра не доведет, но судьба упрямо вела, толкала его в литературные студии, кружки, группы, содружества. В 1922 году он примкнул к «Серапионовым братьям», литературному объединению молодых прозаиков, поэтов и критиков, возникшему в Петрограде — и там писатель счастливо обрел свой жанр: короткие юмористические новеллы, в которых живут, дышат, перебиваясь с хлеба на воду, маленькие людишки мещанского сословия, пытающиеся не сгинуть и приспособиться к условиям послереволюционной страны.

«Маленькие люди», «посторонние новому времени», станут главными героями прозы Зощенко, объектом его огромного комедийного дара: обыватели, лишенные и тени образования, с узкой моралью и примитивным складом ума, должны были заставить читателей

смеяться и сознавать свое интеллектуальное превосходство и свои нравственные качества.

Правда, писатель не стремился банально надсмехаться над темными и туповатыми персонажами — он хотел заставить их посмотреть на себя со стороны. «Я стою за перестройку читателей, а не литературных персонажей, — отвечал писатель своим корреспондентам. — И в этом моя задача. Перестроить литературный персонаж — это дешево стоит. А вот при помощи смеха перестроить читателя, заставить читателя отказаться от тех или иных мещанских и пошлых навыков — вот это будет правильное дело для писателя» [12, с. 8].

Пройдут годы, и власти громко напомнят ему об этих его «задачах». В постановлении оргбюро ЦК ВКП(б), принятом 14 августа 1946 года, Зощенко будет назван пошляком и литературным подонком, который показывает советских людей в уродливо карикатурной форме, клевещет на них, представляет их примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Изображение советской действительности и советских порядков будет охарактеризовано как злостное хулиганство с антисоветскими выпадами [10]. Повесть «Перед восходом солнца» объявят омерзительной вещью, проникнутой ядом зоологической враждебности к советскому строю, в которой автор изобразил людей и самого себя как гнусных похотливых зверей.

Под пером партийных чиновников в адрес Зощенко польются потоки оскорблений — как о враге советской власти и советского народа. Его исключат из Союза писателей, не дадут печататься, лишат средств к существованию. Его имя не будет упоминаться в прессе, ему не позволят подписывать собственные переводческие работы. Из книготорговой сети и всех библиотек будут изъяты все его произведения, почти все знакомые литераторы прекратят с ним всякие отношения. Литература станет для Зощенко зоной отчуждения, территорией будто за колючей проволокой.

В 1954 году состоится выступление Зощенко на собрании ленинградских писателей — предполагалось, что он выразит свое согласие с постановлением 1946 года и покается. Но принять оскорбления он не мог. «Вот уже восемь лет мне трудно, почти невыносимо жить с этими наименованиями, которые повисли на мне, которые так унизили мое достоинство…» [4]. Он пытался доказать, что писал не о советском обществе, которое тогда только возникало, а писал о мещанах, о порождении прошлой жизни. «Я сатирически изображал не советских людей, а мещан, которые веками создавались всем укладом прошлой жизни» [4].

Ил. 2. Кадр из фильма «Преступление и наказание», режиссер П. Коломойцев, 1940. В ролях: Игорь Ильинский и Мария Миронова

Писатели из руководящего состава понять его не захотели, усмотрев в непреклонности Зощенко высокомерие, которое служит классовому врагу. А он, при накаленном зале, по пунктам опровергал каждое из обвинений. «Я дважды воевал на фронте, я имел пять боевых орденов в войне с немцами и был добровольцем в Красной армии. Как я мог признаться в том, что я трус? Что вы хотите от меня? Чтобы я признался, что я трус? Вы этого требуете? По-вашему, я должен признаться в том, что я мещанин и пошляк, что у меня низкая душонка? Что я бессовестный хулиган?» [4]

Его монолог крайне нервировал и раздражал зал: «Я могу сказать — моя литературная жизнь и судьба при такой ситуации закончены. У меня нет выхода. Сатирик должен быть морально чистым человеком, а я унижен как последний сукин сын… У меня нет ничего

в дальнейшем. Ничего. Я не собираюсь ничего просить. Не надо мне вашего снисхождения — ни вашей брани и криков. Я больше чем устал. Я приму любую иную судьбу, чем ту, которую имею» [4].

Писатель-фронтовик Даниил Гранин, присутствовавший на том собрании, вспоминал позднее: «Это был тот самый человек, который много лет смешил всю страну, чьи истории, образы стали нарицательными, чьи изречения вошли в обиход. В самые тяжкие времена, в самые неприглядные годы он давал возможность людям передохнуть, повеселиться. На всех эстрадах читали Зощенко, хохотали до упаду. Смеясь над чужой глупостью, учились смеяться над собой. Они видели себя со стороны не так чтобы обидно, потому что автор в общем-то сочувствовал им и печалился о них, они, то есть мы, опознавали пошлость, которую Зощенко, как никто другой, умел обозначить» [5].

Пройдет тридцать с лишним лет, наступит перестроечный 1988 год, и газета «Правда» сообщит, что Политбюро ЦК КПСС признало постановление «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» от 14 августа 1946 года ошибочным, искажающим принципы работы с творческой интеллигенцией» и отменило его.

Но Михаила Зощенко уже три десятилетия как не было в живых.

«Несуны» и чрезвычайные меры

1930-е годы в жизни советского общества — это как раз и было тем самым тяжким временем, теми самыми неприглядными годами, когда произведения Михаила Зощенко позволяли людям немного отдохнуть душой. На всех эстрадных площадках артисты читали его рассказы, и зрители хохотали над смешными сюжетами и незатейливыми персонажами-простаками. Книги писателя издавались огромными тиражами, он ездил с выступлениями по всей стране и чувствовал себя успешным и знаменитым.

Время вынуждало Зощенко отказаться от любимого им жанра короткого сатирического рассказа с героями весьма сомнительной репутации. Он искал новые жанры, в частности пытался, как писала М.А. Котова, освоить сатирическую комедию, действие которой разворачивается не когда-нибудь в будущем, а в бытовой современной обстановке [8]. Одноактная пьеса «Преступление и наказание» стала знаковым произведением в этих поисках.

Комедия с громким «достоевским» названием должна была успокоить читателя уже на стадии знакомства со списком действующих лиц: авось, никто из них не покусится сочинять опусы о «крови по совести», никто не станет спрашивать себя, тварь ли он дрожащая или право имеет переступить черту, никто не возьмет в руки топор и никто никого не убьет. Можно было рассчитывать, что в крохотной пьеске ее комедийный, откровенно сатирический уклон окажется вполне миролюбивым, в духе тенденции выхолащивания сатиры, как скажет об этом поэт-пародист Александр Григорьевич Архангельский (1889—1938):

Хорошо любить жену
И гитарную струну,
Маму, папу, тетю, — ну
И Советскую страну.
Хорошо писать стихи
О кремации сохи,
Выкорчевывать грехи
Тещи, свекра и снохи.
Ты строчи, строчи, рука,
За строкой лети, строка.
Для поэта ночь легка,
Для поэмы — коротка [2].

Обратимся к фигурантам комедии: действующих лиц совсем немного.

Горбушкин, заведующий кооперативом.
Жена Горбушкина.
Брат жены.
Бананов, перекупщик.
Сосед.
Неизвестный.
Красноармеец.
Ломовик [7][(1)].

(1) Здесь и далее текст комедии М.М. Зощенко «Преступление и наказание» приводится по указанному источнику.

Стоит задаться вопросом: какое тяжкое уголовное преступление мог совершить заведующий кооперативом? Почему сидя дома, за обеденным столом под висячей лампой с шелковым абажуром и читая свежую газету (название в тексте пьесы отсутствует), он тяжко вздыхает, крякает, охает и мычит? «Мне буквально дурно делается от твоего мычанья», — говорит ему Анна Васильевна Горбушкина, жена заведующего, не понимая, в чем дело. Чтó это он там вычитывает, чтó его так пугает?

Оказывается, газета (по-видимому, центральная, публикующая правительственные указы и революционные декреты) на первой полосе сообщает, что расхищение народного имущества отныне будет наказываться высшей мерой, то есть смертной казнью через расстрел с конфискацией всего имущества. Иными словами, осужденный по такому приговору получит пулю в лоб, а родня обнищает и пойдет по миру.

Григорию Ивановичу Горбушкину, главному персонажу, есть о чем тревожиться. Ведь он и есть расхититель, *несун,* выносит, как ему кажется, всякое и разное, что попадется под руку, но по мелочам. При этом жена все равно недовольно бурчит: «А чего ты расхищаешь-то? Подумаешь! Раз в год какое-нибудь гнилье принесет и после этого газеты читать не может — ему высшая мера снится… Другие заведующие несут, несут, несут — ставить некуда». Горбушкин возмущенно возражает: «А я не несу — я, по-вашему, розы нюхаю? Дура какая. А это что? А это чего? А на тебе чего?»

Понятно, что Горбушкин указывает на обстановку комнаты и на одежду жены (мол, несу все для дома, для семьи). Ей, однако, неймется: «Немного домой принес — в этом пороку нету. Другие на сторону продают и то без криков газеты». Он оправдывается: «А сахар? Сахар-то я на сторону продал?»

То есть, действительно, и продукты питания он выносил, и на сторону их продавал, и деньги в свой карман (а не в копилку кооператива) складывал. То-то его мучит страх, мерещатся конфискация и высшая мера.

Современному читателю может показаться, что семейная разборка как раз и составляет ядро конфликта пьесы. Но читателю 1930-х годов близко и доступно было смотреть в корень. Жена Горбушкина, будучи гражданкой алчной и завистливой на чужое добро, требовала

от мужа, чтобы тот приносил в дом побольше и не трусил; однако сами несуны-расхитители не могли не понимать, как опасно время. Газеты тех лет почти ежедневно сообщали о злостном выносе с самых разных предприятий продовольствия, одежды, обуви, почему-то особенно калош, инвентаря и прочего. У подозреваемых производились обыски, но до поры наказания были незначительными — от принудительных работ до трех месяцев до года лишения свободы[(2)]. Столь малые сроки мало кого останавливали.

Между тем в начале 1930-х хищения госсобственности приняли такие фантастические масштабы, что правительство пошло на чрезвычайные меры. 7 августа 1932 года Центральным исполнительным комитетом СССР и Советом народных комиссаров СССР было принято Постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [11].

Постановление инициировал лично Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин, подписали М.И. Калинин (Председатель ЦИК СССР), В.М. Молотов (Председатель СНК СССР), А.С. Енукидзе (Секретарь ЦИК СССР). Отныне государственная, колхозная и кооперативная собственность объявлялась основой советского строя, а значит священной и неприкосновенной. Те, кто покушался на нее, квалифицировались как враги народа. Борьба с ними объявлялась важнейшей обязанностью органов советской власти.

Согласно закону, хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте, воровство колхозного и кооперативного имущества наказывались теперь «высшей мерой социальной защиты» — расстрелом, с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет и тоже с конфискацией имущества. Отдельный пункт гласил: «Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества» [11].

Горбушкин прекрасно понимал, что теперь ему не до шуток, что его мелкое воровство тремя месяцами принудительных работ не огра-

(2) *Пихалов И.* История антисталинских мифов — «Закон о пяти колосках» // Военное обозрение. 18 мая 2013. URL: https://topwar.ru/27940-istoriya-antistalinskih-mifov-zakon-o-pyati-koloskah.html (дата обращения 10.02.2022).

ничится. За мычанием и оханьем заведующего кооперативом стояла жестокая реальность. «Ставилась задача сохранить каждое зернышко. Не от птиц или грызунов. От людей. На полях были сооружены дозорные вышки. Конные разъезды притаились в засадах. Сельским жителям не должно было достаться ни одного колоска колхозного хлеба. Страшный закон от 7 августа, грозивший расстрелом за все, не зря был прозван в народе законом о колосках. Даже с собственного поля колхозник не имел права унести ни одного зернышка» [9, с. 92—93].

Так вот, оказывается, какие указы и постановления читает в утреннем номере газеты Григорий Горбушкин: время действия пьесы можно, таким образом, уверенно датировать августом 1932 года. Помимо газет, вовсю работало и сарафанное радио: слухи об арестах, обысках, приговорах, конфискациях опережали события.

Тема комедии, как можно видеть, на самом деле совсем не смешна, как не смешон страх тюрьмы и казни. Горбушкин, читающий за завтраком газеты, непременно должен был знать и о других нависших угрозах. Циркуляр ЦК ВКП(б) от 29 апреля 1933 года сообщал о начале больших чисток — государство освобождалось от классово чуждых элементов, перерожденцев и карьеристов [14]. Здесь же говорилось и о необходимости «упорядочить осуществляемые неизвестно кем аресты»: «Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. И неудивительно, что при таком разгуле практики арестов органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: „сначала арестовать, а потом разобраться“» [14].

Никакой гарантии, что с ним *сначала разберутся*, у Горбушкина, разумеется, не было.

Только в 1936 году Генеральная прокуратура начала разбираться в правомерности вынесенных приговоров. В докладе генпрокурора А.Я. Вышинского Сталину, Молотову и Калинину утверждалось, что в 79% случаев приговоры были вынесены неправомерно. В результате освободили 37 425 человек и сняли с них судимость [6].

Михаил Зощенко, заимствуя для своей комедии чужое название, вкладывал в него свой, остросовременный смысл: вынос из кооператива, условно говоря, калош или сахара считался теперь тяжким преступлением, за которое следовало неотвратимое наказание с обязательной конфискацией.

Красноармеец, который приходит к супругам с заданием сопроводить к следователю хозяина дома, вольно или невольно подтверждает обоснованность его страха: заведующий кооперативом знает, за что вызван в контору повесткой. Никто из близких — ни жена, ни ее брат, ни сосед — не спрашивают, за что; аресты становятся рядовыми и будничными. Никто не сомневается, что увод Горбушкина — это именно арест, и в свидетельскую версию никто не верит. Жена Горбушкина отвечает брату на его телефонный звонок, объясняясь междометиями: «Гришу-то, это самое, понимаете… Да нет, хуже… Ну да, да… Только сейчас. Не знаю. Ничего не знаю».

Перекупщик Бананов, услышав, что заведующего *увели*, не сомневается, что это именно арест: «Сначала, знаете, свидетель, а после и не свидетель… *Это часто бывает*». Сосед приходит осведомиться, был ли обыск, который, если даже пока его не было, непременно будет: «Щукина помните? Ну, который проворовался. Обыск и, говорят, полная конфискация имущества». Никто и не вспомнил, что хозяин вызван, как указано в повестке, свидетелем по делу Щукина. Повесткам давно никто не доверяет. Никто не собирается ждать окончания следствия, обвинения, приговора. Персонажи пьесы дышат воздухом повседневности, а повседневность дышит адским пламенем Постановления.

Брат жены берет дело в свои руки, понимая — раз «повели голубчика», надо, не дожидаясь конфискации, немедленно все растащить и утилизировать.

Начинается вакханалия «полной спешной распродажи». В текст комедии включаются регистры жесткой сатиры.

И продавцы, и покупатели одинаково алчны, эгоистичны и безжалостны. Напрочь отсутствуют родственная привязанность, простая человечность. Царят оголтелое хамство и разнузданная корысть. Все до единого участники «полной спешной распродажи» грубо необразованы. Комедийно, в духе шаржа, обыгрывается слово «кисти»: понятие — «картина кисти художника» — персонажам неведомо, и только сосед пытается объяснить смысл: «Прежние буржуазные

классы гуманно выражались: чьи кисти. Кто, одним словом, картины красил? Смех, ей-богу».

Фамилий художников — «кто картины красил» — никто здесь не знает: на «ов» ли, на «ой» ли, на «ух» ли; о сюжете картин говорят «предметно»: «чудная сухая березовая роща — метров сорок сухих березовых дров, а на другой, извиняюсь, простая вода». Один лишь телефонный персонаж, невидимый Федор Палыч (по-видимому, барыга и скупщик художественного конфиската) интересуется фамилией художника, ибо она формирует цену.

Недалекую и подловатую Нюшу братец ее, прикарманив большую часть выручки, безоговорочно называет вдовой. Он уверен, что шурин сгинул — там, куда вызвали, ибо «оттуда» не возвращаются. Сосед утешает: «А насчет супруга вы оставьте беспокоиться. Я на это так завсегда гляжу. Меня, например, лично это никогда не пугает. Только бы, думаю, не высшую меру. Высшую меру я действительно с трудом переношу, а остальное как-нибудь утрясется».

Самый большой проходимец в этой компании — братец Нюши: хищник, наглец, мастер погреть руки, если где-то что-то плохо лежит. Одна из самых ярких сцен — как он сватает соседу свою сестру: «Хорошая, стройная походка. Другая идет, как верблюд, а эта ровно кладет ноги. Ать, два, ать, два».

В самое короткое время братец и проворачивает «полную спешную распродажу», и побуждает сестру экстренно развестись с мужем и выйти замуж за соседа, и организует вывоз мебели, а заодно и продажу кухонной утвари.

Квартира разгромлена. Жизнь Горбушкина — тоже: родные приговорили его к высшей мере сами, на возвращение его не рассчитывали и выписали из мира живых.

«Это чего?! Это чего в моей камере происходит! Это чего? Это, я говорю, чего?» — орет, вернувшись от следователя, Горбушкин. «Это… это мы думали… Это мы, Григорий Иваныч…» — лепечет Нюша, а ее проходимец брат «на цыпочках осторожно смывается». Трое — Григорий Иванович, его жена и сосед — остаются стоять разинув рты.

Как проходил допрос Горбушкина и что он рассказал о деле Щукина, пьеса умалчивает. С Григорием Ивановичем обращались «очень вежливо», извинились, что повестка не по почте прислана, ибо показания понадобились срочно.

Нет никакого сомнения, что проворовавшегося Щукина Горбушкин сдал с потрохами. От радости, что его самого не арестовали, он напевает бодрую песенку: «Колокольчики-бубенчики звенят, звенят. / Об ошибках моей юности твердят, твердят!»

Кажется, Михаилу Зощенко, с его тонким пониманием не только сатиры и юмора, но и текущего политического момента, назвать свое «Преступление и наказание» комедией было не так легко. Ибо какая же эта комедия? Что смешного в образе вора-несуна, который узнал о грозящей ему высшей мере? Что смешного в поведении его жены, которая толкает мужа на крупные хищения и при этом хочет, чтобы он не боялся газет? Смешна ли женщина, которая предала мужа через минуту после его ухода из дома и легко позволила хищникам разгромить свой очаг? Смешон ли ее брат, который ради наживы рушит жилье родной сестры? Смешон ли сосед, готовый польститься на чужое добро, если оно само плывет в руки?

Вряд ли субстанция смеха порождается алчностью, предательством и корыстью. В пороках нет ничего смешного. Разве что смех в пьесе особый — *сквозь страх*. Страх наказания у одного персонажа провоцирует рефлекс мародерства у другого, привычку хитрить и лгать — у третьего, готовность предать — у четвертого. Порокам, как и грехам, симпатизировать бессмысленно, но грешные люди оставляют уголок надежды на жалость и милосердие.

Запрещенное кино

Первая публикация пьесы Михаила Зощенко «Преступление и наказание» состоялась в журнале «Красная новь» в 1933 году (№ 3) — то есть сразу, как она была написана. Литературно-художественное и научно-публицистическое издание выходило в Москве и просуществовало ровно 20 лет (1921—1941). «Красная новь» была первым толстым журналом, который был создан после революции и где печатались «старики» (М. Горький, А. Толстой, М. Пришвин, В. Вересаев), а также «попутчики» (И. Бабель, Б. Пильняк, Л. Леонов, К. Федин, В. Катаев). Зощенко относили как раз к «попутчикам». В течение нескольких лет его пьеса опубликовалась несколько раз — в сборнике «Личная жизнь» (1934), в сборниках рассказов, повестей, фельетонов, пьес для театра (1935—1937, 1940).

В 1940 году в журнале «Советский киноэкран»[3] (№ 11) был опубликован одноименный киносценарий, соавторами которого выступили сам Зощенко и сценарист Иван Попов. Короткометражный (27 мин.) игровой черно-белый фильм был снят на Ленинградской студии малых форм в том же году режиссером, сценаристом, актером Павлом Коломойцевым (род. в 1908 году, пропал без вести в годы Великой Отечественной войны).

Комедии и одноактные водевили Михаила Зощенко пользовались успехом у зрителей, их ставили в 1930-е годы ленинградские театры. «Преступление и наказание» до сих пор, спустя почти 90 лет, идет на сцене московских и провинциальных театров. Но киносценарий и сам фильм стали первой пробой пера Зощенко-кинодраматурга. Авторам картины удалось пригласить на роли главных героев выдающихся актеров: Игорь Ильинский и Мария Миронова сыграли супругов Горбушкиных.

Подчеркну, пьеса была издана и в течение семи лет переиздавалась, киносценарий также был издан. 1 февраля 1939 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении советских писателей». Зощенко был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Однако готовый фильм 1940 года сразу был запрещен цензурой и полвека оставался «полочным». Почему?

Обратимся к опальной короткометражке.

Она начинается с обращения (титр) к зрителю как бы от автора. «Я прошу извинить, дорогие граждане, что задерживаю вас на таком пустяке, на незначительном, что ли, факте. Ну уж очень я забавное дело слушал в Народном суде…»

Зритель предупрежден: то, что произойдет в картине, — дело как раз не пустячное, а именно судебное.

Если в пьесе читатель сталкивается с такими человеческими грехами и пороками, которым трудно сочувствовать, с такими персонажами, которым трудно сопереживать, то в фильме зритель видит лица людей, слышит их голоса, вглядывается в их жилье и быт.

(3) С таким названием выходил с 1939-го по июль 1941 года иллюстрированный журнал «Советский экран» (первый номер вышел в 1925 году).

Григорий Иванович Горбушкин — плотный приземистый мужчина в белой вышитой рубахе навыпуск под пояс и брюках-галифе военного образца, не упускающий обычая сытно позавтракать. Все его мысли, впрочем, заняты не столько едой, сколько махинациями с сахаром, мануфактурой и бумагой — их незаконным «выносом» из руководимого им кооператива.

Камера (оператор Евгений Шапиро) не упускает ни одной детали из житейских благ героев: входная дверь большой коммунальной квартиры (восемь семейств, разные звонки, «специальный — к тов. Горбушкину»); две комнаты — гостиная и дамская спальня — до отказа набиты мягкой мебелью, коврами, фарфоровыми статуэтками и вазами на фигурных подставках; на стенах развешаны пейзажи в дорогих рамах и портрет хозяина (холст, масло). Присутствует обязательное пианино, на окнах тюль и тяжелые шторы, в шкафах за стеклом много ценной посуды. На круглом обеденном столе — деликатесы, которые жадно поглощает заскочивший к Горбушкину скупщик «вынесенного» сахара. «Продуктов-то сколько понасыпано», — оглядев снедь, завистливо произносит он.

Жена Горбушкина, Анна Васильевна (Нюша), — миловидная, ухоженная дама, много моложе мужа, проносится по комнатам и коридорам коммуналки в белом китайском расписном халате из шелкового атласа, в ушах серьги, на халате брошь, на левом запястье тонкий золотой браслет. Нюша откровенно презирает своего трусливого толстяка и, пока он «крякает», вычитывая из газеты ужасы о «высшей мере» и «конфискации», она красит ресницы перед ручным зеркальцем и передразнивает муженька. «Дура, идиотка какая-то», — не уступает ей и муж. «На тебе что́?» — гневно кричит он, хватая жену за рукав китайского трофея. Вряд ли Нюша испытывает хоть какие-то нежные чувства к Горбушкину — она не сможет скрыть мечтательной улыбки от перспективы замужества с соседом (Федор Курихин), личностью еще более ничтожной, чем Горбушкин.

И тут звонок — милиционер с повесткой. Горбушкин испуган до заикания, икать он так и не перестанет все время своих испытаний. Уверенный, что его уводят в соответствии с газетными кошмарами, он надевает зимнее пальто с большим меховым воротником; под пальто еще несколько слоев теплой одежды. «Ведите меня, товарищ», — трагически всхлипывает он, размахивая авоськой: в ней продукты со сто-

Ил. 3. Кадр из фильма «Преступление и наказание», режиссер П. Коломойцев, 1940. В ролях: Мария Миронова и Владимир Лепко

ла, которые быстро накидала ему Нюша. Она останется в квартире, кинется судорожно перепрятывать деньги, вызвонит братца, который в фильме получил имя Жора (Владимир Лепко). Проходимец и надувала, он, согласно сценарию, под танцевальную музыку (композитор Борис Ушаков) лихо обчистит квартиру, ограбив и сестру, и соседа.

…Приемная следователя была набита посетителями, вызванными по разным «делам»: у всех с языка слетали одни и те же страшилки: недостача, обыск, конфискация, высшая мера. Насмерть испуганный Горбушкин, слыша обрывки реплик, закатывал глаза, громко икал, не мог унять стук челюсти. В кабинете следователя (Марк Бернес) на вопрос: «Что вы можете сказать по делу Гурского и его сообщников?» — Горбушкин отвечал, что в этом деле не замешан. В пьесе, заметим, проворовавшимся был некто Щукин; в картине по понятной причине его заменили — Б.В. Щукин, орденоносный артист-вахтанговец, создавший образ В.И. Ленина и скончавшийся в 1939 году, не должен был упоминаться в криминальном контексте.

Ил. 4. Кадр из фильма «Не может быть!», режиссер Л. Гайдай, 1975. В ролях: Михаил Пуговкин и Нина Гребешкова

Придя домой и увидев разгром, Горбушкин не на шутку разбушевался, кричал и топал ногами. Сосед, придерживая спадающие брюки, добытые из хозяйского шкафа, выбегает на улицу и зовет милицию. «Григорий Иванович и без вас великолепно сядет, если не сегодня, так завтра», — урезонивает соседа Жора, выжига и пройдоха. «Что же мне делать, граждане? Я несу, несу, несу, ставить было некуда, а они все мое имущество ликвидировали. Чего же мне теперь делать? Розы нюхать? А?» — горестно восклицает Горбушкин.

Эта концовка, как и повторенная заставка про слушания в Народном суде (сигнал зрителю о неотвратимости наказания), были добавлены в фильм сверх текста пьесы. Авторы, видимо, предполагали, что малая доза мелодраматизма смягчит и очеловечит образ расхитителя народного добра.

Но лукавая уловка фильм не спасла — напротив. Кажется, злосчастная концовка как раз и накликала беду: визуальное оказалось коварнее вербального. В 1940 году «Преступление и наказание», по-

вторим, на экраны не вышло. Только весной 1941-го картина, в числе других лент (всего их было десять), была рассмотрена специальной «запретительной» комиссией.

Современный исследователь кинематографа М. Зощенко пишет: «Картина не вышла на экраны, ибо не устроила тогдашнее чиновничье руководство. Какие претензии ей предъявлялись, сейчас уже трудно установить, однако истинные причины, думается, ясны. Отношение к сатире в те годы было крайне неодобрительным» [15].

Установить истинные причины запрета фильма как раз вполне возможно. В фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) хранится справка заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д.А. Поликарпова о фильмах, запрещенных в 1940—1941 годах. Картина Павла Коломойцева числится под номером пять.

«5. „Преступление и наказание“, автор сценария М. Зощенко, режиссер Коломойцев, постановка Ленинградской студии малых форм. Сюжет картины построен на переживаниях расхитителя общественной собственности, дожидающегося привлечения к ответственности. Этого ждет и его жена. В один из дней, когда муж был вызван к следователю в качестве свидетеля, жена, будучи уверена в аресте мужа, распродает имущество и выходит замуж за другого. *Вор остается пострадавшим* [курсив наш. — *Л.С.*]» [13][(4)].

Цензурное обоснование жестко опиралось на кадры фильма: испуганный Горбушкин нервно икает, идет на допрос, нахлобучив летом зимнюю одежду и чувствуя себя обреченным. В конце ограбленный и фактически похороненный заживо, он беспомощно жалуется на судьбу — близкие люди его предали и продали. Он вызывает сочувствие, может быть, даже жалость — ведь «несун» будет рано или поздно строго наказан, а его близкие выйдут сухими из воды. Получалось как в известной пословице: вор у вора дубинку украл.

(4) Тем же постановлением запрещалась и картина К. Юдина «Сердца четырех»: «Фильм искаженно изображает жизнь советской интеллигенции и командиров Красной армии как праздное, беспечное времяпровождение. Положительные герои фильма лишены всяких общественных интересов и замкнуты в кругу своих узколичных обывательских интересов» [13]. Фильм вернут на экраны 5 января 1945 года. После смерти Сталина будут изъяты кадры, где на заднем плане присутствуют его портреты и статуи. Полная версия выйдет в прокат только в 1988 году.

Добавление к пьесе эффектных сцен, усиление акцентов, драматизация финала сделали свое «черное дело» — картину запретили.

Справка сопровождалась комментарием: «Запретить газетам, журналам и Комитету по делам кинематографии при СНК СССР публикование рецензий и объявлений на кинокартины до разрешения к выпуску их на экран. Поручить Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) проследить за выполнением настоящего решения» [13].

Фильм не только запретили показывать, но и запретили упоминать о его существовании. Только в 1989 году, спустя полвека, фильм будет возвращен на экраны, его покажут в кинотеатре «Иллюзион».

Снова на экране: Зощенко-light

Забыть сочинения Михаила Зощенко, в том числе и написанные им для кинематографа, к счастью, не получилось. Не дожидаясь возвращения к зрителю запрещенного «Преступления и наказания», свою версию комедии снял в 1975 году Леонид Гайдай. Картина «Не может быть!» включала три эпизода (все три по произведениям Зощенко) — первый эпизод как раз и был «Преступлением и наказанием».

Действие картины отнесено в 1927 год — то есть к событиям *до* указа 1932 года. Расхитители народного добра, процветающие во всякое время, в 1927-м не слишком горевали и наказаний не страшились — на повестке дня не было еще ни конфискации, ни высшей меры. Не было и десятилетнего срока тюрьмы, которого испугался заведующий магазином Горбушкин, читая за завтраком газету «Известия», стращавшую обывателя «десяткой».

Картина начинается заставкой, как и ее предшественница тридцатью пятью годами ранее: «История, которую мы сейчас расскажем, не какой-нибудь факт, а чистая правда…»

Но, упоминая про «десятку» за расхищение, картина идет как раз против фактов и чистой правды. «За обычную кражу государственного имущества полагалось до двух лет лишения свободы или год принудительных работ, за квалифицированную кражу — до пяти лет» [1]. И никакой конфискации; имущество при любом тюремном сроке должно было остаться в семье, как и дом — Горбушкин у Гайдая живет не в коммуналке, а в частном доме.

Ил. 5. Кадр из фильма «Не может быть!», режиссер Л. Гайдай, 1975. В центре — Вячеслав Невинный в роли брата Анны Горбушкиной

Ил. 6. Наталия Крачковская и Вячеслав Невинный в фильме «Не может быть!», режиссер Л. Гайдай, 1975

Таким образом, заведующему магазином в картине 1975 года на самом деле не стоило сильно страшиться. В любом случае, в 1927 году он отделался бы или легким испугом, или малым сроком (другое дело, что и спустя пять лет он вряд ли порвал бы со своим промыслом). Картина изначально, с первых титров, с заставки (кипа сатирических журналов во главе с «Крокодилом») под бравурную музыку Александра Зацепина, мыслилась авторами как бурлеск, как комедия трюков и карикатурных сцен.

Горбушкин-1975 (Михаил Пуговкин) совсем не испытывает запредельный страх, каким был полон герой Игоря Ильинского. Горбушкин-Пуговкин тоже собирается к следователю, но раздумывает надевать зимнюю одежду; после нескольких попыток утеплиться он останавливается на легком белом пиджаке и курортной белой кепке. Сложив руки за спиной, как это полагается заключенным, со словами «ведите меня» и узлом сменного белья, собранным женой (Нина Гребешкова), Горбушкин отправляется на допрос: открытая машина и водитель ждут у ворот. Соседи рыдают, свинюшки хрюкают, гуси гогочут, Горбушкин возводит очи на церковный купол, как бы уповая на милость Господа. Проводы сняты в нарочито шутейном духе, обещавшем и впредь одаривать зрителя смехом сквозь хохот.

Обещание сдержали. На Анну Васильевну (она лихорадочно ищет место в доме, где всего безопаснее упрятать сверток с купюрами) слетаются коршуны. Это братец, продавец пива в палатке, знающий толк в пенном напитке, разведенном водой (Вячеслав Невинный лихо исполняет хит всех времен на музыку А. Зацепина и стихи Л. Дербенева «Губит людей не пиво, губит людей вода»). Это и сосед Виталий Борисович (Михаил Светин) — он тоже лезет через забор в расчете полакомиться бросовым добром. Оба вспоминают некого Щукина, у которого таки случилась полная конфискация.

Но откуда? В 1927 году ее еще не применяли, и это значит, что и брат, и сосед грубо обманывают Анну Васильевну. Покупатели картин (Наталья Крачковская и Игорь Ясулович) еще более невеже-

ственны, чем брат Анны Горбушкиной, который гоняется по двору за хрюшкой. Беглая свинья дырявит мордой картины («сухие дрова» и «продукты питания»), сбивает с ног пышнотелую покупательницу, и это, конечно, уже не просто комедия, это фарс и абсурд. Ибо если нет высшей меры, какая же Анна вдова, как ее называет брат? Если нет конфискации, зачем нужна была срочная сплошная распродажа?

В прокуратуре у следователя (Лев Поляков) Горбушкину мерещится Карл Маркс: он строго глядит с портрета на стене и грозит пальцем; у заведующего зуб на зуб не попадает, вода из графина не льется и не пьется. Но узнав, что его вызвали как свидетеля, Горбушкин расцветает, ликует и готов все рассказать по делу Щукина, которого никогда и в глаза не видел. За дачу ложных показаний дают три года — но этот срок (без конфискации) ему нипочем. На этот раз его отпустят.

Горбушкин отсутствовал дома без малого три часа (титры ведут точный хронометраж). За это время все его имущество было распродано, мебель вывезена, живность со двора сведена, жилье выкуплено соседом, отныне женихом Анны Горбушкиной, которая по-быстрому развелась с прежним супругом и вовсю любезничает с будущим. Эту сцену и застает Горбушкин, придя с допроса в свой — и уже не свой — дом. Строчка романса: «Я ехала домой, двурогая луна…» — застревает у него в горле, когда он видит Анну, целующуюся с соседом.

Горбушкин успеет ритуально вскрикнуть: «Это чего в моей камере происходит, а?», а титр подведет итог: «Хорошо это кончилось или плохо — нам неизвестно. А Горбушкина посадили только через неделю…»

Заключение

Почувствовать, что в новой экранизации исчез нерв подлинной жизни, испарились драматические переживания персонажей, нетрудно. Увидеть, что появился цвет на лицах любимых актеров, зазвучал их веселый безмятежный смех, тоже легко. Как справедливо отмечает киновед, «комизм ситуаций становится самоцелью, печаль, лиризм комедий Зощенко почти полностью исчезают. И декорации, и костюмы, да и сами действующие лица выглядят яркими, комедийно-заостренными, но излишне утрированными, карикатурными» [15].

Такую картину цензоры наверняка выпустили бы на экраны и в 1940 году, разве что критики отругали бы ее за безыдейность, поверхностный комизм и откровенное шутовство. От пьесы Зощенко в ней осталась только сюжетная схема, но зато смех в ней заблистал красками бесстрашия. Об особом свойстве народного смеха уничтожать страх писал М.М. Бахтин: «Победа над страхом ощущалась не только как победа над мистическим страхом („страхом Божиим“) и над страхом перед силами природы, — но прежде всего как победа над моральным страхом, сковывающим, угнетающим и замутняющим сознание человека» [3, с. 104].

Две экранизации пьесы Михаила Зощенко «Преступление и наказание» представили принципиально разные подходы к прочтению литературного первоисточника и разное понимание субстанции комического. В первом случае был *смех сквозь страх*. Во втором — *смех сквозь хохот*.

Список литературы:

1 *Анисимов В.Ф.* Ответственность за хищения социалистической собственности по советскому уголовному кодексу // Вестник Югорского государственного университета. 2008. Вып. 4 (11). С. 5—8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-hischeniya-sotsialisticheskoy-sobstvennosti-po-sovetskomu-ugolovnomu-kodeksu (дата обращения 20.02.2022).

2 *Архангельский А.* Пародии. Изд. 6-е, дополненное. М.: Советский писатель, 1939. URL: https://thelib.ru/books/arhangelskiy_aleksandr/parodii_epigrammi-read.html (дата обращения 13.02.2022).

3 *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

4 Выступление М.М. Зощенко на собрании Ленинградских писателей. Июнь, 1954 г. (Стенограмма). URL: https://biography.wikireading.ru/175960 (дата обращения 08.02.2022).

5 *Гранин Д.* Страх: Эссе. URL: https://www.litmir.me/br/?b=200170&p=1 (дата обращения 08.02.2022).

6 Докладная записка прокурора СССР А.Я. Вышинского И.В. Сталину, М.И. Калинину, В.М. Молотову о выполнении в срок постановления ЦИК и СНК СССР от 16 января 1936 г. URL: https://stalinism.ru/karatelnaya-politika-1933—1936gg/dokladnaya-zapiska-prokurora-sssr-a-ya-vyshinskogo-i-v-stalinu-m-i-kalininu-v-m-molotovu-o-vypolnenii-v-srok-postanovleniya-tsik-i-snk-sssr-ot-16-yanvarya-1936-g.html (дата обращения 13.02.2022).

7 *Зощенко М.М.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Рассказы (30-е и 40-е годы); Комедии; Перед восходом солнца: Повесть / Коммент. Ю. Томашевского. URL: https://www.litmir.me/br/?b=105245&p=10 (дата обращения 03.02.2022).

8 *Котова М.А.* Драматургия М.М. Зощенко в контексте литературного процесса 1930-х — 1940-х гг.: Автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. URL: https://www.dissercat.com/content/dramaturgiya-mm-zoshchenko-v-kontekste-literaturnogo-protsessa-1930-kh-1940-kh-gg (дата обращения 19.03.2022).

9 *Максудов С.* Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М.: Прогресс, Феникс, Atheneum, 1991. С. 65—110.

10 Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года № 274 «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953 / Под редакцией А.Н. Яковлева; сост. А.Н. Артизов и О.В. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 587—591.

11 Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». 7 августа 1932 г. // Свод законов СССР. 1932. № 62. Ст. 360. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/63789 (дата обращения 10.02.2022).

12 Серапионовы братья. Альманах: 1921. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2012. 448 с.

13 Справка о запрещенных кинофильмах в 1940 и 1941 годах // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 88. Л. 1.

14 СССР — памятные даты и события. 1933 год. URL: http://www.great-country.ru/rubrika_articles/this_day/01.html (дата обращения 13.02.2022).

15 *Филиппова А.* Михаил Зощенко: «В кино надо иметь связи» // Советский экран. 1990. № 1. URL: https://www.kino-teatr.ru/kino/art/kino/165/ (дата обращения 13.02.2022).

References:

1 Anisimov V.F. Otvetstvennost' za hishcheniya socialisticheskoj sobstvennosti po sovetskomu ugolovnomu kodeksu [The Responsibility for Plundering Socialist Property According to the Soviet Criminal Code]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, issue 4 (11), pp. 5—8. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-hischeniya-sotsialisticheskoy-sobstvennosti-po-sovetskomu-ugolovnomu-kodeksu (accessed 20.02.2022). (In Russian)

2 Arhangel'skij A. *Parodii* [Parodies]. Ed. 6th, completed. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1939. Available at: https://thelib.ru/books/arhangelskiy_aleksandr/parodii_epigrammi-read.html (accessed 13.02.2022). (In Russian)

3 Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa* [The Work of Francois Rabelais and the Popular Culture of Middle Ages and the Renaissance]. 2nd ed. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1990. 543 p. (In Russian)

4 *Vystuplenie M.M. Zoshchenko na sobranii Leningradskih pisatelej. Ijun', 1954 g. (Stenogramma)* [M.M. Zoshchenko's Speach at the Meeting of Leningrad Writers. June, 1954. (Transcript)]. Available at: https://biography.wikireading.ru/175960 (accessed 08.02.2022). (In Russian)

5 Granin D. *Strah: Esse* [Fear: An Essay]. Available at: https://www.litmir.me/br/?b=200170&p=1 (accessed 08.02.2022). (In Russian)

6 *Dokladnaja zapiska prokurora SSSR A.Ya. Vyshinskogo I.V. Stalinu, M.I. Kalininu, V.M. Molotovu o vypolnenii v srok postanovlenija CIK i SNK SSSR ot 16 janvarja 1936 g.* [A Report of the USSR Attorney A.Ya. Vyshinsky to I.V. Stalin, M.I. Kalinin, V.M. Molotov about the Realization in Time of the Decree of the Government Issued on the 16th of January, 1936]. Available at: https://stalinism.ru/karatelnaya-politika-1933—1936gg/dokladnaya-zapiska-prokurora-sssr-a-ya-vyshinskogo-i-v-stalinu-m-i-kalininu-v-m-molotovu-o-vypolnenii-v-srok-postanovleniya-tsik-i-snk-sssr-ot-1-6-yanvarya-1936-g.html (accessed 13.02.2022). (In Russian)

7 Zoshchenko M.M. *Sobranie sochinenij*: v 4 t. [Collected Works: in 4 vol.] Vol. 4: *Rasskazy (30-e i 40-e gody); Komedii; Pered voshodom solnca: Povest'* [Short Stories (30s and 40s); Comedies; Before Sunrise: A Novel], comm. Yu. Tomashevsky. Available at: https://www.litmir.me/br/?b=105245&p=10 (accessed 03.02.2022). (In Russian)

8 Kotova M.A. *Dramaturgija M.M. Zoshchenko v kontekste literaturnogo processa 1930-h — 1940-h gg.* [Dramaturgy of M.M. Zoshchenko in the Context of the Literary Process of the 1930s and 1940s]: Thesis for Dissertation for the Degree of PhD in Philology, 10.01.01. Available at: https://www.dissercat.com/content/dramaturgiya-mm-zoshchenko-v-kontekste-literaturnogo-protsessa-1930-kh-1940-kh-gg (accessed 19.03.2022). (In Russian)

9 Maksudov S. Poteri naselenija SSSR v gody kollektivizacii [Population Losses of the USSR During the Years of the Collectivization]. *Zven'ja. Istoricheskij al'manah* [Links. Historical Almanac]. Issue 1. Moscow, Progress, Feniks, Atheneum Publ., 1991, pp. 65—110. (In Russian)

10 Postanovlenie Orgbjuro CK VKP(b) ot 14 avgusta 1946 goda № 274 "O zhurnalah 'Zvezda' i 'Leningrad'" [The Resolution of the Orgbureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) Issued on the 14th of August, 1946, № 274 "About the Journals 'Zvezda' and 'Leningrad'"]. *Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CK RKP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD o kul'turnoj politike. 1917—1953* [The State Power and Artistic Intelligentsia. Documents of the CC of the Communist Party (Bolsheviks) and Security Organs on the Cultural Politics. 1917—1953], ed. A.N. Yakovlev, compl. A.N. Artizov, O.V. Naumov. Moscow, Mezhdunarodnyj fond "Demokratija" Publ., 1999, pp. 587—591. (In Russian)

11 Postanovlenie CIK i SNK SSSR “Ob ohrane imushchestva gosudarstvennyh predprijatij, kolhozov i kooperacii i ukreplenii obshchestvennoj (socialisticheskoj) sobstvennosti”. 7 avgusta 1932 g. [The Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the USSR “On the Protection of the Property of State Enterprises, Collective Farms and Cooperatives and the Strengthening of Public (Socialist) Property”. August 7, 1932]. *Svod zakonov SSSR* [The Code of Laws of the USSR], 1932, no. 62, article 360. Available at: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/63789 (accessed 10.02.2022). (In Russian)

12 *Serapionovy brat’ja. Al’manah: 1921* [Serapion Brothers. An Almanac. 1921]. St. Petersburg, Limbus Press, OOO “Izdatel’stvo K. Tublina” Publ., 2012. 448 p. (In Russian)

13 Spravka o zapreshchennyh kinofil’mah v 1940 i 1941 godah [The List of Films Banned in 1940 and 1941]. *RGASPI* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, inv. 116, unit 88, l. 1. (In Russian)

14 *SSSR — pamjatnye daty i sobytija. 1933 god* [The USSR — the Memorable Dates and Events. 1933]. Available at: http://www.great-country.ru/rubrika_articles/this_day/01.html (accessed 13.02.2022). (In Russian)

15 Filippova A. Mihail Zoshchenko: “V kino nado imet’ svjazi” [Mikhail Zoshchenko: “In the World of Cinema One Must Have Acquaintances”]. *Sovetskij ekran*, 1990, no. 1. Available at: https://www.kino-teatr.ru/kino/art/kino/165/ (accessed 13.02.2022). (In Russian)